

Арбачакова Л.Н. Из опыта расшифровки шорских героических сказаний в исполнении В.Е. Таннагашева. // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: СО РАН 2009 – С.86-89.

Целью статьи является выяснение наиболее типичных исполнительских моментов, относящихся к оговоркам и повторам. Они являются естественными для живого устного сказывания. На примере восьми произведений, записанных автором с 2000-2002гг. от современного шорского сказителя В.Е. Таннагашева (1932-2007гг.), прослеживается специфика расшифровки аудиозаписей, в ходе которой становится очевидным творческий процесс исполнительства, когда идет постоянная работа сказителя по уточнению и исправлению случайных оговорок или повторов, возникающих в момент сказа.

Автор статьи отметила важность уточнений и пояснений непонятных слов, выражений и оговорок, даваемых самим исполнителем в процессе записи, которые облегчают в дальнейшем текстологическую работу исследователя. Ключевые слова: шорские героические сказания, расшифровка аудиозаписей, случайные оговорки и повторы, устная природа фольклора.

Сегодня, когда живая сказительская традиция алтае-саянских народов еще не угасла, мы имеем возможность сделать уникальные аудиозаписи исполнения героических сказаний. Так автору этой статьи удалось зафиксировать шорские героические сказания в исполнении современного сказителя-кайчи В.Е. Таннагашева (1932-2007гг.). Данная статья явилась результатом некоторых наблюдений, сделанных в ходе расшифровки сказаний.

Каждый исследователь, имеющий дело с фонозаписями, при расшифровке сталкивался с повторами, оговорками исполнителя, естественными для живого устного сказывания. Об этом пишет и алтайская исследовательница З.С. Казагачева, специально останавливаясь на этих моментах в своей монографии [1].

О творчестве сказителя-олонхосута В.О. Каратаева, об опыте расшифровки магнитофонных записей сказания «Могучий Эр Соготох» написал составитель якутского тома «Могучий Эр Соготох» В.В.Илларионов [2]. О проблемах, возникающих в ходе расшифровки, упоминает и хакасский фольклорист В.Е. Майно-гашева [3].

На примере 8 сказаний («Свет Оолак», «Казыр Салгынма Кара Салгын», «Ак Плек», «Алып Кускун», «Кара Кан» (другое название: «Кара Сабак»), «Он алыптың

майының пир кестепкел чайылған Кан Кичей», «Аттың чабыс қан чегрен аттыг, қаанаң чабыс Кан Мерген», «Октемеш сар аттыг Октемеш Мокке»)¹, записанных нами на аудиокассету с 2000-по 2002гг от В.Е. Таннагашева, проследим реалии устного сказывания на шорском материале.

Эпические произведения, по словам самого Владимира Егоровича, ему привычнее было исполнять *чоокпа* (букв. «говором, речью»), то есть речитативом. Однако по нашей просьбе он исполнил несколько сказаний *каем* (горловым пением), под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента *комуса*. После музыкальной части *кайчи* с большим увлечением пересказал содержание пропетого. Позже сказитель признался, что комус мешает ему сосредоточиться, поэтому он чаще сказывает без него.

Надо отметить, что во всех сказаниях присутствует образ самого *кайчи* (об этом подробнее см. нашу статью [4]). В произведении «Свет Олак», переходя к другому персонажу, *кайчи* говорит: «А я со Свет Олаком остаюсь» (А мен Свет Оолақпа полбодурчам). В сказании «Казыр Салгынма Кара Салгын» два *алыпа* расходятся в разные стороны, *кайчи* же, отправляясь только за одним из них, сообщает: «Я с Кара Салгыном остался!» (Мен Қара Салғынма полубустым!) В эпосе «Ак Плек» *кайчи* появляется уже в зачине: «В золотой дворец вошел» (Алтын өрге пас кирдим).

Просторечия, особенности языка носителя мрасского диалекта, явления, характерные для изустной формы исполнения, отразились, например, в чередовании звуков ч/ж в словах: шачып, вместо лит., шажып; шачыбысты/шажыбысты; чедик/шедик.

Непосредственно перед исполнением на нашу просьбу произнести название сказания еще и для дневниковой записи, как правило, *кайчи* давал краткое название по имени действующего героя, например, «Свет Оолак». Иногда к имени *алыпа* присоединялось и имя его богатырского коня: «Октемеш сар аттыг Октемеш Мокке» (Октемеш Мокке, имеющий резвого рыжего коня).

Однажды *кайчи*, назвав сказание «Он алыптың майының пир кестепкел чайалған Кан Кичей», сказал: «Видишь, если полностью давать название, то длинное..., надо короче «Он алыптың чайалған Кан Кичей» и все, а *пир кестепкел*

¹ «Ак Плек» (зап. 2000г.); «Алып Кусун» (зап. 2000г.); «Аттын чабыс кан чегрен аттыг, каанан чабыс Кан Мерген» (зап. 2001г.); «Он алыптын майынын пир кестепкел чайылған Кан Кичей», (зап. 2000г.); «Октемеш сар аттыг Октемеш Мокке» (зап. 2000г.); «Казыр Салгынма Кара Салгын» (зап. 2001г.); «Кара Кан» («Кара Сабак») (зап. 2000г.); «Свет Оолак» (зап. 2002г.)

– не надо!» Мы же сохранили сложносоставное имя алып, которое переводится как: «Воплотивший в себе жизненную силу десяти богатырей Кан Кичей». Другое сложносоставное имя алып, которое *кайчи* также вначале назвал сокращенно – «Кан Мерген», переводится так: «[Ростом] ниже других коней кроваво-игреневого коня имеющий, [ростом] ниже других ханов Кан Мерген» («Аттың чабыс қан чегрен аттығ, қаанаң чабыс Кан Мерген»).

Семантика имени алып несет информацию не только о происхождении алып или его внешности, но и его роли в эпосе. Так, по названию сказания «Он алыптың майының пир кестепкел чайалған Кан Кичей» («Воплотивший в себе жизненную силу десяти богатырей Кан Кичей») можно предположить, что необыкновенное воплощение богатыря означает его особую роль в сказании.

Начиная сказывание, *кайчи* обычно говорил: «Так, начинаю» («Так, пажапчам») или «Че, начнем!» («Давай, начнем!»), а в конце завершал исполнение русским словом: «все!»

В.Е. Таннагашев, рассказывая о сказителе, от которого он перенял сказание, мог дать оценку его личности. Так, например, перед исполнением сказания «Ак Плек» он сказал, что слышал его от деда – Мукалиша, который: «Не очень *кайчи* был!»

Иногда *кайчи* по ходу сказывания обращался к собирателю, например: «Раньше так отправляли!» («Алында эде ысчиңнер!»)

Нами было замечено, что *кайчи* во время небольшой заминки часто использует непереводимое слово-сорняк *ноо*. Заминка происходила, когда сказитель вспоминал имена *алыпов*, масти коней или подбирал нужное слово, например: девятислойный панцирь этого *ноо*, ... (тоғус қадыл ноо, қуяк..); белой горы черный **курумник**, *ноо скала*...(Ақ тайғаның қара қорумы ноо, қайазы ..). Здесь сказитель после слова *ноо* исправил **курумник** – на **скалу**.

Таким образом, прослушивание аудиозаписей позволило выявить наиболее типичные исполнительские моменты, которые можно отнести к оговоркам и повторам.

Оговорки *кайчи* прослеживаются:

В названиях масти коней, имен алыпов и др. персонажей. К примеру: светло-серый конь (ақ қыр ат) – вместо: светло-рыжий конь (ақ сар ат); Кемис Кёок – вместо: Алтын Кемис; Қара Салғын – вместо: Қазыр Салғын; Қара Кылғаны – вместо: Қара Салғын; моя дочь (қызым) – вместо: мои сыновья (ооларым); мое дитя (палам) – вместо: моя мать (ичем).

Иногда, вспоминая то или иное имя, сказитель сосредоточивался, тихо произносил: «ой, не ошибиться!» и называл имя алып: Қан Қыйған, тут же следом уточняя – Қан Киндик.

Подмечая свои неверно произнесенные имена персонажей или другие слова, он обычно восклицал, э-э!:

Ак Салгын – э-э, Ак Салғына и Көк Торчук; Ак Сагал – э-э, (Ақ Сағал – э-э, абамның черинге); Қара Қан отец – э-э, дедушка (Қара Қан аба – э-э, аққа); сестру – э-э, тетю (туңмамны, э-э, печемни). В некоторых случаях, он уточняет случайные оговорки, используя слово-сорняк *ноо*: ача – ноо туңмам.

В определении цветových эпитетов. В ходе исполнения *кайчи*, ошибаясь, тут же уточнял, подбирая более точное слово:

белую лисицу (ақ түлгүнү) – вместо: золотую лисицу (алтын түлгүнү); золотой (алтын) – вместо: зеркальный (күзен); пеструю чашу (ала шараны) – вместо: золотую чашу (алтын шараны).

В обозначении чисел: девяносто (тогузончи) – вместо: девять (тогус); девять (тогус) – вместо: три (үш); девять слоев (тогус қат) – вместо: сорок комнат (қырық қатпаш).

В том случае, когда *кайчи* сам подмечал свою оговорку и исправлял, называя правильное слово, при расшифровке нами сохранены все его уточнения. Если же сказитель не заметил свои оговорки, то при расшифровке они были нами исправлены и помечены в необходимых комментариях к тексту. Например, в эпической формуле: Мен айдарға табырақ полча, ылар **айдарға** – по контексту должно быть слово: ехать (парарға), вместо айдарға (Мне сказать недолго, ему ехать долго).

Кроме оговорок в текстах наблюдаются **повторы** одних и тех же слов или словосочетаний, например, фраза: из черного тумана (қара тубаның) – повторена дважды. Повторы, как правило, возникали после музыкального исполнения или по не зависящим от исполнителя условиям. Например, при перестановке аудиокассеты с одной стороны на другую или когда заканчивалась пленка. В этих случаях *кайчи* повторял одну и ту же фразу.

Во время записи сказания «Алып Кускун» позвонили в дверь дома. Владимир Егорович прекратил сказывание и пошел открывать дверь, а, вернувшись, повторил фразу.

Повторы случались из-за того, что сказитель забывал какие-то эпизоды или опережал события. В этих случаях, как правило, он возвращался к рассказанному

эпизоду, повторяя его снова. Например: за золотой стол усадив, пищу... (..алтын стол кеқсинге одуртупкелип, аш ..) – здесь *кайчи* вернулся к эпизоду описания накрытого стола, чтобы рассказать о том, что сначала стол накрывается: «на золотой стол полно напитка-еды расставляет» (алтын столға толдура ашпа-табақ кел салча), а затем только гостя усаживают за нее. Затем повторил эпизод угощения алыпа.

В некоторых сказаниях, как, например, в сказании «Аттың чабыс қан чегрен аттығ, қаанаң чабыс Кан Мерген» повторы занимают более 30 строк. В подобных случаях, видимо, их нужно помещать в комментариях к тексту.

Уточнение в глаголах времени, числа. Часто сказитель сам уточняет эти моменты. К примеру: часто ходил (чөрчен – гл. прошедшего-будущего времени многократного действия) – здесь *кайчи* уточнил время: ходил (чөрген – давнопрошедшее время); тедир (ед .ч.) – здесь *кайчи* уточнил число: тештилер (мн.ч.); поехали (пастыр пардылар, гл.мн.ч.) – здесь идет уточнение глагольной формы: поехав (пастыр парып, деепр.ф.гл.) и т.д.

Как следует из примеров, в глаголах изменяются не только число и время, а также они заменяются деепричастными формами, в результате чего возникают уточненные слова, которые при расшифровке нами сохранены.

Иногда сказитель один глагол заменял целым предложением, например, деепричастие: сказав (эрбектен) – оформил фразой: после того, как закончил говорить (эрбеги тозулған соонда); сидя (одуркелип) – заменил предложением: не успел сесть (одулары чоғоқ полду).

В процессе исполнения *кайчи* мог подбирать другие, более точные слова. Например: говорит (тепча) – заменено словом: думает (сананча); сказал (тедир) – чықлашчалар (зацокали); видит (көргени) – слышит (уқканы); не входил (кирбечиң) – не залетал (учуқпачин); слой (қадыл) – заменено словом: метров (қулаш) и т.д.

В существительных также уточнялось число, а иногда подбиралось более подходящее слово: празднества, свадьбы (тойлер, мн.ч.) – заменено существительным в ед. числе: свадьба, праздник (той); трава (өлең) – заменено словом: листья (пүрлер).

Нами было замечено, что **упущения** в эпических формулах, устойчивых выражениях крайне редки, если все же случаются, то обязательно сказителем исправляются. Например: «Сын Ак Кана буду, – сказал» (Ақ Кааның палазы поларым, – тедир) – здесь *кайчи* в начале кратко представил *алыпа*, назвав его имя без упоминания его коня. Затем следуя эпической традиции, повторил уже

более развернуто имя богатыря с обязательным представлением и коня *алыпа*: «Имеющий златогривого светло-рыжего коня, Свет Олак буду, – сказал» (Алтын чаллығ ақ сар аттығ Свет Оолақ поларым, – тедир).

В редких случаях сказитель называл имя коня без определяемых эпитетов, но затем обязательно уточнял: твой конь (сеең ат) – светло-серый твой конь (ақ пор адың).

В процессе исполнения, вспоминая важный эпизод, *кайчи* просил даже выключить на некоторое время диктофон. После повторного включения диктофона продолжал сказывать, включив в повествование восстановленный в памяти эпизод. Например, в записи сказания «Свет Олак» в описании борьбы богатырей есть строка: «до чистой души достиг, сказав, взял...» (арығ тынға четтирзиң тепкелип, ал..). В этом месте сказания, *кайчи* вдруг остановился и тихо обратился к собирателю: «выключи!» Вспомнив строку: «На чугунный пол, когда опустил...» (шойун тақты полға тўжўргенди), продолжил описание, вставив эту фразу.

За время записи восьми сказаний, здесь анализируемых, В.Е. Таннагашев всего лишь дважды ошибся, как говорят *кайчи*, «ступив на путь другого *алыпа*». То есть исполнитель по ошибке начинал сказывать сюжет другого сказания. В этом случае он сильно переживал. Начав сказывать «Казыр Салгын и Кара Салгын», сказитель прервал исполнение и расстроенный начал стучать по *комусу* (видимо, прося прощения у *алыпа* – Л.А.), приговаривая при этом: «Я совсем другое начал.. Практически все правильно идет, но дочь черного *айна* не надо брать, так наказывал...совсем другое сказание...По новой начнем, *каем!*» («Я совсем пашқа начал... Практически все правильно идет, ноо қара айна қызын албасқа теп айтчытқанын...совсем пашқа ныбақтың... По новой начнем, қайба!»).

Далее он признался: «...каем я рассказываю тебе поверхностно, Если отправлять по правилам, мы бы всю ночь сидели» («..қайлап говорю мен саға, поверхностно қайлап. Если по правилам ыссам, мы все ночь сидели бы...»).

После этого *кайчи* начал повторять все заново, начиная с названия сказываемого эпоса «Казыр Салгын и Кара Салгын». Попутно В.Е. Таннагашев вспомнил сказание «Алтын Чылтыспа Кумуш Чылтыс», с сюжетом которого он перепутал исполняемое произведение. Сказитель объяснил, что оно очень длинное, там много дорог: «Я если начинал вечером, ... часов в 6 вечера, то всю ночь рассказывал».

Начав исполнять сказание «Аттын чабыс қан чегрен аттығ, қаанаң чабыс Кан Мерген», которое он слышал от талантливого *кайчи* и поэта С.С. Торбокова, сказитель после описания времени первотворения и представления алып, внезапно остановился и, подыгрывая на комусе, сказал: «...вошел в другое! Подобных сказаний несколько. В путь другого сказания вошел. Я ее по новой начну! По Торбоковскому не так начинается!» («вошел в другое: миндиг сказаниялар несколько штук. Пашқа сказанияның чоруқпа кирибистирим. Мен пону по новой начну. По Торбоковски сказание не так начинается»). После этого стал исполнять заново.

В сказании «Алып Кускун» *кайчи* начал с горлового пения и игрой на *комусе*, затем сказал: «...не могу кайларить!» («қайлап полбанчам эде ..») затем продолжил сказание речитативом, без пения и музыкального инструмента.

Это сказание *кайчи* излагал торопливо, спешил завершить и вкратце изложил его продолжение, которое он подробно не запомнил: «...я слышал, что они были друзьями: *Кара Шимелдей* и *Ак Кан*. А потом они стали враждовать. *Кара Шимелдей* говорила: «У огненного нома-памятника, который стоит в середине земли, будем сражаться. Вроде бы они [их дети] враждовали из-за девушки, они полюбили одну девушку, их сыновья...»

(«...мен слышал ылар были нанчылар друзья тоже Қара Шимелдей и это э-э, Ақ Қан, под конец ылардың вражда получилась. Қара Шимелдей айтча: чердің орта тұшта өскен от номанын қажында қабыжарыс тепча меең уғлумма сеен уғлун пис ийгеле қабыжабыс, тепча. Ылар қыстаң ужун вроде, ылар пир қысқа көленисчар, оолары»).

После исполнения сказания обязательно нами уточнялись эпизоды, переводы некоторых малопонятных слов, неясное произношение архаичных слов и т.д. Сказитель иногда не просто переводил, а пояснял по-русски их смысл, например: словосочетания: *қырын чалан* – объяснил так: «это значит, только боком может выйти через двери. Такой толстый!» («это значит боком эжикти проходит. Толстый»). Словосочетание: *алтын саранчы* – объяснил так: «...если правильно перевести: как бы правильно высказать,... но можно сравнить, как золотой ветер (или ураган)», т.е. давал пространное объяснение скрытого смысла словосочетания. В других же случаях некоторые выражения он переводил одним словом. Например, словосочетание: *қалчақ қаарының* – В.Е. Таннагашев перевел: «пузатая».

Таким образом, уточнение самим исполнителем в процессе записи некоторых случайных оговорок, а также непонятных слов и выражений, произведенное по ходу записи, несомненно, в дальнейшем значительно облегчает текстологическую работу исследователя. Сохранение в ходе расшифровки аудиозаписей оговорок и повторов сказителя, в свою очередь, приоткрывает его «творческую лабораторию», а также свидетельствует об устной природе произведения и достоверности текста.

Использованная литература

1. Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очы-Бала», Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). – Горно-Алтайск, 2002 –352с.
2. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». –Новосибирск: Наука, 1996. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.10)
3. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин»/Запись и подгот. текста, пер., вступ.ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука, 1997. –(Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.16)
4. Арбачакова Л.Н. Ролевые функции *кайчи* в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск. – 2003. – № 3. – С. 92-95.
5. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1999. – 237 с.
6. Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка. – Кемеровское книжное издательство, 1992. – 318 с.